

**ИРИНА
КОНЮХОВА**

**МОЯ
ЖИЗНЬ
С ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ**

Москва • «Никея» • 2017

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р17-619-0732*

ISBN 978-5-91761-681-0

© Издательский дом «Никея»,
ООО «Никея», 2017

© Конюхова И. А., 2017

© Конюхов Ф. Ф., иллюстрации, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
Глава 1. Ураган	11
Глава 2. Здесь и сейчас	33
Глава 3. Свадебное путешествие через Атлантику ...	55
Глава 4. Куда ведут дороги?	81
Глава 5. Путем каравана	97
Глава 6. Для одной земли и под одним небом	129
Глава 7. Все в руках Твоих, Господи!	169
Глава 8. Храм	219
Глава 9. Ожидание вдвоем.	229
Глава 10. Розы Иерихона.	245
Глава 11. Тайна синих гор.	261
Глава 12. Время своей жизни.	301

Посвящается моей маме Зое Ивановне
и бабушке Прасковье Ивановне —
тем, кто научил меня любить

Я спросил у своей жены Ирины:
«Каким путем мне возвращаться
после мыса Горн домой?» Она
сказала: «Путем пустыни». А затем
добавила: «Только путем любви, все
остальные вредны человеку, потому
что не дают настоящего счастья».

*Из книги Ф. Конюхова
«Мой путь к истине»*

ПРОЛОГ

В пятьдесят лет я впервые по-настоящему обратилась к Богу. Это случилось потому, что Бог показал мне: все, что я делала до этого, считая своей заслугой, ничтожно. И показал мне Бог главное. Он сказал: «Не теряй свою путеводную звезду». А звезда эта — любовь.

Растерялась я сначала, ибо любовь уже была во мне, когда я скучала по маме, брала на руки только что родившихся сыновей, плакала по рано покинувшему этот мир бабушке и отцу. Любовь заменила страсть в день венчания с тобой. Но чего же тогда не было? Почему тоска и отчаяние чуть не уничтожили меня в тот день, когда я пыталась подвести первые итоги своей жизни?

В этот день я почувствовала не только любовь близких и друзей. Ко мне пришла правда о недоверии и нелюбви к самой себе. Самое большое разочарование случилось в самой себе. Среди цветов и любящих глаз я увидела грусть Творца. Он поместил меня в пустыню собственных амбиций и показал, сколь мал мой пьедестал. Этот пьедестал ничтожнее пылинки.

Заплакала я горячими слезами и надела повязку на глаза, чтобы никто не увидел этих слез. И отправилась в путь в поисках истины. И тогда Бог послал озарение. Он сказал: «Не бери в дорогу ничего, кроме любви. И тогда даже пылинка твоего бытия станет заметной, ибо она будет лучом

света. Увидев луч света, твой ангел-хранитель засмеется, а Я, Господь Бог, улыбнусь. Итак, — сказал Бог, — что бы ты ни делала, делай в любви и во имя любви. В этом будет начало твоей жизни во Христе».

И обратилась я к Богу, спросив Его, как не потерять себя, если стремишься все время угождать другим.

«Живи правдой», — сказал Бог.

«Это то, что всегда было во мне основой!» — обрадовалась я, но тут же загрустила, ибо страх и неуверенность нередко приводили меня ко лжи.

«Каждый день, каждый час очищай свою душу от гнета прожитых лет», — сказал Господь Бог.

И показал мне Бог третий путь. «Нужно избавиться от обид, и сделать это непременно, ибо в противном случае умрешь от тоски и ненависти».

Взяла я котомку с грехами и отправилась в путь, где любовь и вера превращают в прах грехи прошлого и не дают взойти росткам грехов нынешних.

*Из дневника Ирины Конюховой, написанного во
время пересечения мужем, Федором Конюховым,
Тихого океана на весельной лодке по маршруту
Чили — Австралия, 2013–2014 годы*

ГЛАВА 1

*Философы древности говорили,
что люди бывают трех типов:
те, кто живы; те, кто мертвы,
и те, кто плавает в море.
Мой муж выбрал последнее.
После одного из страшных его
испытаний в океане я поняла:
есть среди нас еще четвертый
тип людей — те, кто плавают
в море и остаются живы, ибо
не забывают Того, Кто может
спасти их.*

УРАГАН

22 августа 1998 года. Полдень. Москва

Ураган, которого так боялся мой муж Федор, прошел мимо.

— Он ударил меня по носу, от этого щелчка я удержался, — смеется Федор.

Прошло двадцать дней, как мой муж Федор вышел из Лиссабона и находится на своей шестидесятифутовой яхте в Атлантическом океане. Он движется в направлении Чарльстона, штата Южная Каролина, США, не так быстро, как того хотел. Федор в течение года упорно рвался в океан и, когда я в очередной раз обижалась на него за эту спешку, уверял, что только там он будет счастлив по-настоящему. Но теперь мы оба считаем дни, пытаюсь угадать, когда случится наша встреча, ибо я собираюсь вылететь в Чарльстон, чтобы вновь обнять своего мужа.

— У тебя есть деньги на билеты, ты получила визу? — Он вот уже неделю каждый раз задает мне эти вопросы, когда мы говорим с ним по спутниковому телефону.

После положительного ответа Федор успокаивается.

Чудеса техники современной эпохи позволяют мне слышать его голос. В океане этот голос другой, приглушенный и смиренный, порой нервный, но не такой экспрессивный, каким бывает на суше. Часто сквозь его слова я слышу шум океана и скрип вант на мачте.

Федор сейчас в Саргассовом море. Он посвящает меня в его тайны.

Оно мертвое, в нем только водоросли и нет рыбы.

— Как же тебя занесло в это море?

И снова мы говорим о моем прилете в Чарльстон. Он просит привезти ему на яхту 9 свечей из церкви, а также святую воду, песок и масло из Иерусалима, с которыми он ходил на Южный полюс.

26 августа 1998 года. 9 часов 10 минут. Москва

После трех дней перерыва я снова слышала голос Фе-ди. Он позвонил рано, и мы проговорили почти час.

— У меня неприятность, потерял спинакер¹. Я решил взять для тебя траву в Саргассовом море — она такая красивая, с ягодками. Повесил в каюте и ночью увидел, как она светится синим фосфором, так недобро светит. А через час парус оторвался.

— Ты думаешь, что это имеет между собой связь?

— Да, имеет. Я когда еще брал траву, то почувствовал неладное, как будто что-то украл у моря. Когда парус потерял, в море сразу траву выбросил.

— Где ты сейчас?

— Иду на 60–61°. Еще далеко от Чарльстона. Думаю, что осталось дней 10. Прохожу от 2,5 до 1,5 градусов в день. Это мало. Но если посмотреть в целом, то много. Позади 4312 миль.

¹ Спинакер — тип паруса, предназначенный для дополнительного использования с целью усиления скорости яхты.

Глава 1. Ураган

— Это хорошая новость.

— У меня есть еще для тебя радостная новость. Ты все переживаешь, не голодаю ли я. Сегодня море преподнесло мне подарок — четыре небольшие летучие рыбки выпрыгнули на палубу. Когда я их увидел, они уже не дышали. А так я бы их выбросил обратно в море. Я их помыл, залил соусом и через пять минут съел. Это было самое вкусное блюдо за мое плавание.

— Что тебе приготовить из еды в тот день, когда ты уже будешь на берегу?

— Приготовь к моему приезду виноград и курицу жареную.

— Хорошо.

— Мне здесь есть о чем думать. Я столько передумал. Я тебя люблю по-настоящему.

— И я тебя люблю по-настоящему.

— Меня два дня как преследует невидимое судно. Днем не вижу, а ночью огни горят. Идет параллельно. Как-то неспокойно.

— Молись больше, и это поможет.

— Я здесь все время молюсь, без этого в океане нельзя, и Бог пока милует. Привези мне крестик из Троице-Сергиевой Лавры.

— Да, конечно, обязательно привезу.

— Здесь так красиво! Солнце, звезды. Только тебя не хватает. Главное — сохранить яхту, тогда мы будем вместе.

— Ты всегда старался быть осторожным.

— Не все от меня зависит. Погода коварная — то тихо, то шквал, все время работаю с парусами, никак не приспособлюсь. Скоро попаду в Гольфстрим.

29 августа 1998 года. 1 час ночи. Москва

Доводилось ли вам ходить в одиночку?

Ни десять шагов, ни пять километров, а месяцы и годы?

Если нет, то можно лишь пытаться представить, но не ощутить состояние человека, остановившегося на привал среди людей и прервавшего одиночество. Я пытаюсь подсчитать, чего же было больше за последние десять лет жизни у Федора: дороги или привала среди людей? Получается, что дороги больше. На десять часов пути — час привала.

Я не просто свидетельница его жизни «на перевалочной базе» между экспедициями. Я его жена, живущая с ним в разлуке. Мне иногда кажется, что Федор не сам возвращается, а его заставляют возвращаться. Моя любовь в том числе.

Я засыпаю, и перед моими глазами возникает образ: Федор и я в маленькой темнице средневекового замка. Замок находится на вершине скалы одинокого острова. Федор прикован к стене цепями. Тюремщик, похожий на палача с прикрытым капюшоном лицом, приковывая его к стене, говорит ему:

— Каждый день расшатывай физическим и духовным усилием воли свои кандалы. Однажды они сорвутся, и ты будешь свободен. Но прежде пойми, что эта свобода — огромный океан.

Сказав это, он уходит.

В темнице вместе с Федором остаюсь только я — женщина в серо-белом одеянии, подносящая к пересохшим губам Федора воду и пищу, согревающая его телом в те минуты, когда он устает бороться с оковами.

— Подойти к окну, посмотри туда, — просит Федор.

Я подхожу к окну и вижу: там за окном океан. Он бурлит так, что мне слышен его шум. Огромные волны напоминают лапы хищника с длинными белыми ногтями. Они пенятся и кричат криками безумных чаек.

Я поднимаю глаза к небу и вижу белесое бездонное пространство, в котором ничего нет, кроме ослепляющей пустоты. Это свобода? Она как пропасть со всех сторон. Океан и Небо. Кроме них только башня, возвышающаяся на одинокой скале. Из нее один выход — в пропасть. Я поворачиваюсь к Федору и хочу сказать ему: «Там нет свободы, там зона смерти», но, не успев это произнести, просыпаюсь.

Еще темно, утро только начинается. Я вся мокрая, дрожу от переутомления. Нужно еще поспать, впереди длинный рабочий день. Но сон перебит. Я пытаюсь понять, почему мне приснилось это видение.

В своих письмах, напечатанных в Москве в 1882 году, епископ Феофан Затворник советовал: сны лучше пропускать без внимания. Иные из них, может быть, и значат что-либо, но нам не дано точно определить это.

Святитель Феофан прав — не нужно пытаться разгадывать сны...

30 августа 1998 года. 3 часа ночи. Москва

Мне уже три ночи как не спится. Трое суток я не слышала голоса Федора. Он не звонит, и тревожные мысли преследуют меня.